

ная Т. М. К вопросу о предпосылках и характере восстания «босоногих» в Нормандии в 1639—1642 гг.—Французский ежегодник. 1982. М., 1983.

³³ Ph. de Beaumanoir. Coutumes de Beauvoisis... parle Comte Beugnot. Paris, 1843, I—II.

³⁴ Аналогично и мнение Ю. Л. Бессмертного. См.: Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIV вв. М., 1969, с. 243.

³⁵ Ph. de Beaumanoir. Coutumes..., XV, 31, 36.

³⁶ Ibid., XV, 36.

³⁷ Jullian C. Histoire de la Gaule. Paris, 1924, t. 4, p. 76—77; Lot F. La Gaule. Les fondements ethniques, sociaux et politiques de la nation française. Paris, 1947, p. 199—200; Histoire de la France rurale, t. 1, p. 228.

³⁸ По мнению Ф. Ло, за исключением Лугдунума, другие колонии Трех Галлий были просто латинскими. См.: Lot F. Op. cit., p. 200.

³⁹ Bloch G. Histoire de France. Paris, 1900. T. I. La Gaule indépendante et la Gaule romaine, p. 382.

⁴⁰ Grenier A. Manuel d'archéologie gallo-romaine. Paris, 1934, p. 866.

⁴¹ Histoire de la France rurale, p. 228.

⁴² Grenier A. Op. cit., p. 867—874.

⁴³ Ibid., p. 782—783.

⁴⁴ D'Arbois de Jubainville. Recherches sur l'origine de la propriété foncière. Paris, 1890, p. 125.

⁴⁵ Fustel de Coulange. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1889. T. 4. L'alleu de la domaine rural, p. 80 ss.

⁴⁶ Lot F. Op. cit., p. 867—874, p. 293; Histoire de la France rurale, t. 1, p. 195.

⁴⁷ Fustel de Coulange. Op. cit., t. 4, p. 87; Bloch G. Op. cit., p. 436—450.

⁴⁸ Белова Н. Н. О формах зависимости в сельском хозяйстве римской Галлии.—ВДИ, 1970, № 1, с. 130; Она же. Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977, с. 91—92.

⁴⁹ Grenier A. Op. cit., p. 895.

⁵⁰ Gallia, 1957, 15, 2, p. 268—270, 274; 1960, 18, 1, p. 2; 1961, p. 445.

⁵¹ Gallia, 1943, 1, 2, p. 263; 1958, 16, 2, p. 366.

⁵² Gallia, 1957, 15, 2, p. 316.

⁵³ Gallia, 1957, 15, 2, p. 164; 1958, 16, 2, p. 266—278; 1959, p. 286.

⁵⁴ Histoire de la France rurale, t. 1, p. 226.

⁵⁵ Mitard P. H. La villa gallo-romaine de Guiry-Gadancourt (Seine-et-Oise).—Gallia, 1958, 16, 2, p. 266—280; 1960, 18, 1, p. 163—179.

⁵⁶ Grenier A. Op. cit., p. 859.

⁵⁷ Histoire de la France rurale, t. 1, p. 227.

⁵⁸ Ibid., p. 200.

⁵⁹ Grenier A. Op. cit., p. 873.

⁶⁰ Fustel de Coulange. Institutions. Paris, 1900. T. 5. Le bénéfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne, p. 64.

⁶¹ Histoire de la France rurale, t. 1, p. 195.

В. А. СМЕТАНИН
Уральский университет

О ПОНЯТИЯХ «ФЕОДАЛ» И «ФЕОДАЛЬНО ЗАВИСИМЫЙ КРЕСТЬЯНИН»

Феодализм — это система эксплуатации способом докапиталистической земельной ренты. Учение о ренте составляет стержень научной теории феодальной формации. Существо докапиталистической земельной ренты, по словам К. Маркса, «состоит в том, что земельная рента есть единственная господ-

ствующая и нормальная форма... прибавочного труда; а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, *владеющий* условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить *собственнику* того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике»¹. Закон докапиталистической ренты, открытый К. Марксом, является основным экономическим законом феодализма².

При анализе типологии земельной ренты К. Маркс вычленял прежде всего ее различные типы³. Каждому типу ренты свойственны различные ее формы. Всем типам ренты «обще то обстоительство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность»⁴. Подчеркивая то характерное, что объясняет все типы ренты, К. Маркс предупреждал об опасности смешения как различных типов, так и форм земельной ренты: «это *общее* ведет к тому, что различия не замечаются»⁵. Такой подход К. Маркс называл одной из трех главных ошибок при изучении ренты.

В истории человеческого общества можно вычленить три типа земельной ренты: докапиталистический, капиталистический⁶ и социалистический⁷. Что касается последнего типа ренты, то в социалистическом обществе абсолютная и монополия земельные ренты уничтожаются, в отношении же существования *дифференциальной* ренты имеются взаимоисключающие точки зрения. К. Маркс говорил о «первоначальной» форме ренты и «капиталистической», рассматривая в качестве «переходной» формы *Metairie-System*, или систему издольного хозяйства. В последнем случае «рента... уже не выступает как нормальная форма» прибавочного труда⁸. К. Маркс вычленял более ранние⁹ или более низкие¹⁰ формы земельной ренты в противовес последующим и призывал различать «формы буржуазные» от добуржуазных форм ренты¹¹.

В. И. Ленин четко различал «докапиталистическую» и «капиталистическую» ренты¹², ренту «капиталистического типа» и исторически предшествующие формы ренты¹³, которые он называл «докапиталистическими формами эксплуатации»¹⁴. Вместе с тем в работах В. И. Ленина прослеживается дифференцированный подход к докапиталистической земельной ренте. Он ввел понятие «феодальная рента»¹⁵. Ф. Энгельс использовал словоид «феодальные повинности»¹⁶. Земельная рента существовала и в рабовладельческом и в феодальном обществах. При любой форме докапиталистической ренты собственник земли должен быть отделен от хозяйствования на земле, а земледелец, обя-

занный рентой,— от права собственности на обрабатываемую землю. Ренту при рабовладении и феодализме следует различать. Земельная рента при феодализме была всеобщей, господствующей формой эксплуатации, включая в себя весь прибавочный продукт возделывателя-владельца. Понятие «земельная рента» настолько специфично при феодализме, что введение В. И. Лениным особого понятия «феодальная рента» оправдано во всех отношениях.

Докапиталистическая (и в том числе феодальная) земельная рента предполагает наличие нескольких субъектов присвоения материальных благ: высшие (собственники земли) и низшие (владельцы земли). При азиатской форме собственности член восточной общины выступал лишь в качестве владельца, община же обладала правом собственности: существует «только *общая* собственность и только *частное владение*»¹⁷. Последнее противостоит общинной собственности. В античной гражданской общине как классовом социальном организме (античная форма собственности) существуют общинная (государственная) собственность как собственность союза собственников, частная собственность, опосредованная общинной, и частное владение. Частным собственником выступал тот, кто владел общественной землей, владеть же такой землей мог лишь полноправный гражданин полиса. Следовательно, наряду с общинной (государственной) и частной собственностью имело место и частное владение. Член общины был частным собственником и владельцем земли. В отличие от восточной общины в античной ее представитель воплощал частную собственность и частное владение. В германской крестьянской общине на первое место выходит частная собственность общинников, но отсутствует частное владение. Как добавление к земельным участкам индивидуальных собственников существует общая собственность этих собственников, которая «используется каждым индивидуальным собственником как таковым»¹⁸. Если в варианте азиатской собственности община выступала как «субстанция, по отношению к которой отдельный человек» рассматривался «только как акциденция», если в варианте античной собственности община представляла «единое начало», где «индивид является гражданином государства» и где форма собственности заключала в себе «противоположность государственной земельной собственности и частной земельной собственности», опосредованной первой, то в варианте германской формы собственности «община существует только во взаимных отношениях друг к другу этих индивидуальных земельных собственников как таковых», которые не являются совладельцами общей собственности¹⁹. Германская община по своей структуре поземельных отношений исключала звено владельцев земли и тем самым возможность образования земельной ренты в рамках собственно общины-марки.

Ввиду того что при феодализме основные классы выступают как высшие (феодалы) и низшие (феодално зависимые крестьяне) субъекты присвоения материальных благ, земельная рента приобретает действительно всеобщий характер. Соответственно при рабовладельческой формации рента имеет ограниченное, частичное применение.

Феодальная эксплуатация начинается с возникновения феодальной ренты. Спрашивается, когда же появляется феодальная рента, с какого момента повинности земледельца по отношению к землевладельцу можно назвать земельной рентой, когда эксплуатация принимает феодальный характер? Не всякий оброк или работу на землевладельца можно рассматривать как феодальную ренту, что правильно подчеркнул А. И. Неусыхин²⁰. Чтобы приблизиться к ответу на поставленный вопрос, целесообразно предварительно уточнить смысл нескольких специальных терминов. Понятийный аппарат приобретает чрезвычайно важное значение в логическом осмыслении исторического процесса.

Сначала о понятиях «азиатский способ производства», «дофеодальный период», «варварское общество», «переходный период», «дофеодальное общество», «предфеодальный период», «протофеодальный период», «генезис феодализма», «феодализация», «ранний феодализм». Первые восемь терминов тождественны, точно так же как и два последних. Ради сокращения будут употребляться лишь понятия «генезис феодализма» и «ранний феодализм», которые не совпадают по существу и хронологически, правда, в определенной степени частично накладываются. А. И. Неусыхин не считает «дофеодальный период» компонентом какой-либо формации, ставя его вне любой формации, и не включает в данное понятие рабовладельческое общество (даже во время его разложения)²¹. Б. А. Рыбаков приравнивает «дофеодальный период» к высшей ступени первобытнообщинного строя²², О. Л. Вайнштейн — к раннему этапу развития феодальной формации²³. М. Я. Сюзюмов отождествляет «дофеодальный период» с периодом раннего феодализма. Дофеодальный период начинается, по его мнению, с появления свободного крестьянства²⁴. Соответственно этому общества времени Салической правды и Земледельческого закона — дофеодальные²⁵. Окончание «дофеодального периода» М. Я. Сюзюмов связывает с тремя факторами — исчезновением свободного крестьянства, превращением основной массы крестьян в зависимую и торжеством феодальных институтов²⁶. Во франкском обществе «дофеодальный период» начинается, по словам М. Я. Сюзюмова, после появления свободного крестьянства²⁷ и завершается до оформления феодальных институтов²⁸, в Саксонии (Германия) общество вступает в данный период с переходом под власть франков и развитие продолжается по XI в.²⁹ В Византии начало периода указано нечетко (видимо, с появлением свободного крестьянства), окончание отнесено к 1081 г.³⁰

Думается, что «дофеодальный период» образует компонент феодальной формации и компонент ей предшествующей (первобытнообщинной или рабовладельческой) и полностью соответствует генезису феодализма. Генезис же феодализма начинается с земледельческой общины (в обществе, переходящем в феодализм из первобытнообщинной формации) или со времени парциарного колоната (в обществе, переходящем в феодализм из рабовладельческого строя) и продолжается до переворота в поземельных отношениях, иными словами, конечная датировка связана с завершением господства свободной соседской общины (марки).

Содержание процесса генезиса феодализма трактуется в советской медиэвистике неоднозначно. Иногда это понятие при фиксации не раскрывается вообще как нечто известное³¹, иногда оно встречается в сочетании слов «генезис и первый этап феодализма»³² и непонятно, развивался ли генезис феодализма в рамках феодальной формации, предшествовал ли данной формации, составлял ли компонент ее или накладывался на начало феодализма и часть предшествующей формации. Более определенно высказывается Е. В. Гутнова, по мнению которой, процесс генезиса феодализма продолжался в Европе с конца V до середины IX в.³³ С этим мнением вряд ли можно согласиться, ибо при таком понимании генезиса феодализма аграрный переворот VIII — середины IX в. (у франков) включается в генезис. Такая же трактовка генезиса встречается и во второй главе учебника «История средних веков», принадлежащей перу Е. В. Гутновой и А. И. Данилова: «в ходе генезиса феодализма строй свободной общины типа марки сменяется повсеместным господством феодальной вотчины»³⁴. А. И. Неусыхин отождествляет генезис феодализма с дофеодальным периодом³⁵.

Понятие «феодализация» также вызывает немалую разногласию. Наибольшие противоречия в трактовке термина характерны для позиции М. Я. Сюзюмова. То он фиксирует процессы феодализации при Юстиниане³⁶, то видит начинающееся развитие феодализации в первой четверти IX в.³⁷, то рассматривает «дофеодальный период» в Византии (завершающийся в 1081 г., по его словам) как «период подготовки к феодализации общества»³⁸. Е. В. Гутнова считает появление и рост феодальной земельной собственности экономической основой процесса феодализации³⁹, иными словами, рассматривает феодализацию как процесс, протекающий в пределах раннего феодализма. С. Д. Сказкин связывает завершение процесса феодализации с появлением вотчины⁴⁰, а А. Р. Корсунский — с исчезновением дофеодального крестьянства⁴¹.

Отождествляя феодализацию с периодом раннего феодализма, остановимся на выяснении смысла последнего. В историографии бытуют точные датировки периода. М. Л. Абрамсон указывает, что формирование феодализма в Южной Италии закон-

чилось в конце XIII в.⁴² Складывание феодального строя в Швеции завершилось в XIII в.⁴³ Отмечая, что английское общество было раннефеодальным с начала VII в., М. Н. Соколова подчеркивает характерные линии такого общества — формирование феодальных поместий и наличие широких слоев свободного крестьянства и полусвободных людей⁴⁴. Однако Н. Ф. Колесникий называет в качестве критерия раннефеодального периода государственную эксплуатацию свободных общинников⁴⁵. Единства нет и по вопросу о начале периода раннего феодализма. По мнению О. Л. Вайнштейна, феодальная формация начинается с общества древних германцев времен Тацита⁴⁶. Такой взгляд нельзя признать правильным, ибо у германцев того времени еще не сложилась марка. Исходным моментом раннефеодального периода можно считать появление крестьянской общины⁴⁷, утверждение индивидуальной земельной собственности⁴⁸, временное преобладание мелкого хозяйства свободных крестьян⁴⁹, т. е. возникновение марки⁵⁰. Историография, однако, не отвечает на два вопроса: а) когда по существу завершается период раннего феодализма и б) какие этапы проходит в своем развитии раннефеодальный период? Попытаемся ответить на эти вопросы. Вычленение этапов — «самый трудный вопрос из всех, какие только существуют», писал Ф. Энгельс⁵¹. «Строго различать этапы, различные по своей природе, трезво исследовать условия их прохождения...», — рекомендовал В. И. Ленин⁵².

Период раннего феодализма проходит в своем развитии три этапа. Первый этап начинается с появления марки и представляет собой не просто этап господства свободной крестьянской общины такого типа. Только первоначально основной фигурой общества является свободный крестьянин-аллодист. С первого этапа феодализации начинается феодальная формация, классовое общество. По социальной структуре общество довольно пестрое, в частности широко представлены в нем полусвободные и зависимые слои населения (колоны, литы, рабы), однако ведущей фигурой, правда, первоначально, является аллодист крестьянского типа. На этом этапе «аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность»⁵³.

Одновременно с процессом потери аллодов формируется крупная земельная собственность. Аллодисты превращаются, на примере франкского общества, в «класс крупных землевладельцев»⁵⁴ и «особый класс безземельных свободных франков»⁵⁵. Последние были посажены на оброк как «свободные держатели»⁵⁶. На этом завершается первый этап раннего феодализма. Земледельцы крестьянского типа развивались по двум направлениям. С одной стороны, пройден путь от аллодиста к безземельному свободному человеку и далее к свободно-

му держателю. С другой — аллодист превращается в крупного землевладельца свободной, наследственной и отчуждаемой собственности. Еще нет феодалов, феодально зависимых крестьян и феодальной ренты. Таким образом, первый этап раннего феодализма — это этап аллода и последствий его развития.

Второй этап раннефеодального периода — «переворот в аграрных отношениях», «полный переворот в отношениях землевладения», «переворот в сфере поземельных отношений», как говорил Ф. Энгельс⁵⁷. Произошло «превращение в бенефиции большей части крупных земельных владений, обладание которыми ранее не было связано никакими условиями»⁵⁸. Крупный земельный собственник впервые превращается в феодала, свободный же держатель опускается до положения феодально зависимого держателя. Ф. Энгельс об этом писал так: «Вотчинник становится сеньором, держатели становятся его *homines*»⁵⁹. Сеньор «приобретал и некоторую карательную власть над своими подчиненными»⁶⁰. «Личная крепостная зависимость [*Knechtschaft*] была им еще непривычна»⁶¹. Феодально зависимые держатели были связаны с обработкой домена. Согласно полиптику аббата Ирминона, вотчина монастыря Сен-Жермен-де-Пре около Парижа содержала в себе 6041 га домениальной пашни и 16 088 га крестьянской пахотной земли⁶². На втором этапе феодализации появляются феодалы и феодально зависимые держатели. Последних, однако, еще нельзя назвать феодально зависимыми крестьянами в точном смысле этого понятия. Тем не менее феодально зависимый держатель становится основной фигурой феодально зависимого населения.

Несколько слов о сущности переворота в аграрных отношениях. Е. В. Гутнова и А. И. Данилов видят эту сущность «в перемещении собственности на землю из рук свободных общинников в руки крупных землевладельцев, в результате которого окончательно сложились и победили феодальный способ производства, вотчинный строй и крестьянская зависимость»⁶³. Названные исследователи несколько широко трактуют понятие «переворота в аграрных отношениях», включая в содержание процесса образование крупного землевладения. Ф. Энгельс писал: «...нужно было найти способ крепче привязать к трону усмиренных магнатов или их преемников, поставленных на их место Карлом. А так как их господство до сих пор покоилось на крупном землевладении, то первым условием для этой цели был полный переворот в отношениях землевладения»⁶⁴.

Из слов Ф. Энгельса видно, что аграрный переворот (имеется в виду «переворот в аграрных отношениях») совсем не ставил целью создание крупного землевладения, оно уже существовало до переворота в аграрных отношениях, и сущность последнего сводилась к следующему: «Этот переворот в основе своей покоится на двух новых установлениях. Во-первых, для

того чтобы прочнее привязать магнатов государства к короне, им, как правило, коронных земель больше не дарили, а предоставляли в пожизненное пользование в качестве «бенефиция»... И, во-вторых,... этим магнатам была передана часть должностных функций графа данного округа по отношению к свободным людям, поселенным в их владениях, и они были назначены «сеньорами» над этими последними»⁶⁵. Говоря более коротко, переворот в аграрных отношениях сводился к созданию бенефициев и превращению свободных людей на территории бенефиция в феодально зависимых земельных держателей (Ф. Энгельс не случайно употребляет пока только термин «держатели», а не «владельцы»). Иными словами, сущность переворота в аграрных отношениях — появление феодалов и феодально зависимых держателей. Ф. Энгельс писал четко и кратко, прочтем еще раз его высказывание: «Вотчинник становится сеньором, держатели становятся его *homines*»⁶⁶. Переворот в аграрных отношениях имел непременно две стороны. Как промышленный переворот (в Англии он, например, развернулся в 60-е гг. XVIII — середине XIX в.) создает промышленную буржуазию и промышленный пролетариат, так и переворот в аграрных отношениях (во франкском обществе в VIII — середине IX вв.) рождает феодалов и феодально зависимых держателей. Крупные землевладельцы — еще не феодалы. Просто держатели — еще не феодально зависимые держатели. И крупные землевладельцы и просто держатели существовали еще до переворота в аграрных отношениях, в ходе которого впервые появляется собственно феодальное общество. Поэтому несколько неосторожным представляется высказывание С. Д. Сказкина, по словам которого «массовое создание бенефициев... Энгельс... называет «переворотом в аграрных отношениях»⁶⁷. В каждой стране второй этап феодализации (тождественный по существу перевороту в аграрных отношениях) имел свои хронологические рамки, поэтому вряд ли целесообразно датировать его в целом VII—IX вв.⁶⁸

В ходе переворота в аграрных отношениях развивается третья стадия формирования класса феодалов. Данный процесс представляется трехзвенным: от аллодистов к крупным земельным собственникам и от них к феодалам. Первые две стадии протекали на первом этапе раннефеодального периода. В историографии крупные земельные собственники нередко называются землевладельцами⁶⁹, что является не совсем правильным, если строго подходить к дефиниции. Вследствие того, что в специальной литературе нашли применение понятия «землепользование», «землевание», «землепользователи», «землевладельцы», целесообразно дополнить названные термины такими, как «землесобственность» и «землесобственники». В этом случае можно было бы и даже нужно называть крупных «землевладельцев» (вторая стадия формирования класса феодалов) круп-

ными землесобственниками, а их крупное «землевладение» — крупной землесобственностью.

Крупные землесобственники — еще не феодалы, так же как крупная землесобственность — еще не феодальная собственность. Как же отличить крупную землесобственность первого этапа раннефеодального периода от крупной феодальной землесобственности второго этапа раннего феодализма? Экхард Мюллер-Мертенс отмечает, что в немецкой литературе часто смешиваются такие понятия, как «крупное землевладение» (Großgrundbesitz) или «просто господское землевладение» (herrenmäßig genutzter Landebsitz schlechthin), с одной стороны, и «вотчина» (Grundherrschaft), «подлинная вотчина» (echte oder eigentliche Grundherrschaft), «феодальное имение» (das Feudalgut), с другой стороны, которые немецкий исследователь справедливо призывает четко различать⁷⁰. Феодальная собственность — специфическая форма собственности, присущая только феодализму и утверждающаяся в ходе переворота в аграрных отношениях. Ее отличают десять признаков. Во-первых, феодальная собственность является монопольной: «земельный собственник ... является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает прибавочный труд непосредственных производителей...»⁷¹.

Во-вторых, она выступает в качестве верховной собственности⁷². Феодалы, с одной стороны, и феодально зависимые крестьяне, с другой — предстают как высшие и низшие субъекты присвоения, иными словами, как собственники и владельцы земли. В-третьих, феодальная собственность — бинарная собственность, проявляющая себя как земельная собственность «вместе с прикованным к ней трудом крепостных»⁷³. Одно звено — собственно земельная собственность, другое, неразрывно связанное с первым, — собственность на личность непосредственных производителей, на их прибавочный труд и прибавочный продукт. В-четвертых, феодальная собственность была неполной (и собственность феодала на землю, и собственность феодала на работника производства). Представление о свободной частной земельной собственности «появляется в древнем мире лишь в эпоху разложения органического общественного строя, а в современном мире лишь с развитием капиталистического производства»⁷⁴. Характер неполной собственности проявлялся двояко: 1) феодальная землесобственность трактовалась как держание от вышестоящего на иерархической лестнице феодала и 2) феодально зависимый крестьянин имел владельческие права на феодальную землесобственность, «такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»⁷⁵. Конечно, непосредственный производитель не был условным собственником как феодал, ибо был обязан рентой, от которой условный собственник всегда был свободен. В-пятых, феодальная земельная собственность связана с исполнением не только частноправовых

функций, но и публичноправовых судебных, военных и административных функций, с обладанием правами политической власти над феодально зависимым населением. Высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом феодальной земельной собственности⁷⁶. Отношения собственности при феодализме выступают как отношения господства и подчинения (*Knechtshfts-verhältnis*)⁷⁷. Внеэкономическое принуждение неразрывно связано с феодальной собственностью. Только капитализм «совершенно отделяет земельную собственность от отношений господства и рабства»⁷⁸.

В-шестых, феодальная землесобственность характеризуется «сословностью», по словам В. И. Ленина⁷⁹, обеспечивающей монополию феодалов на землю. Сословность выражалась в привилегии только определенных сословий обладать правом земельной собственности. В-седьмых, феодальной землесобственности была присуща иерархическая структура (феодальная иерархия), защищающая монополию феодалов на земельную собственность и обеспечивающая получение с крестьян феодальной ренты каждым соподчиненным членом иерархии. «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными»⁸⁰. В-восьмых, отсутствие точных границ и размеров феодальной собственности⁸¹. В-девятых, для понимания особенностей феодальной собственности нужно учитывать специфическую форму экономической реализации права собственности, в которой происходит присвоение прибавочного продукта — феодальную ренту в ее разновидностях⁸². В-десятых, феодальная землесобственность специфична и тем, что участником отношений собственности был феодально зависимый крестьянин, владелец земли и собственник земледельческих орудий и прочей движимости.

По вопросу о том, что отличало мелкого вотчинника (в точном, собственном смысле слова, т.е. феодала) от крестьянина, А. И. Неусыхин выдвинул следующие соображения: 1) вотчинная структура владений того или иного собственника (сочетание барского двора и нескольких, хотя бы и очень немногих, зависимых держаний)⁸³; 2) систематическая эксплуатация труда держателей (хотя бы немногих и в небольших размерах) не путем sporadического использования их подсобной рабочей силы, а посредством взимания ренты⁸⁴; 3) комплекс земельных владений состоит из сравнительно большого числа зависимых крестьянских держаний (А. И. Неусыхин допускает не два-три, а минимум десять-пятнадцать наделов), эксплуатируемых одним верховным собственником. Иными словами, учитываются абсолютная величина, размеры владений мелкого вотчинника⁸⁵; 4) действует внеэкономическое принуждение как средство и орудие получения ренты (хотя бы в форме низшей юрисдикции, которая могла осуществляться явочным порядком), налицо от-

ношения господства — подчинения⁸⁶; 5) следует учитывать и степень разбросанности владений⁸⁷. Феодал, по словам А. И. Неусыхина, — верховный номинальный земельный собственник⁸⁸.

В отличие от просто земельного собственника феодал — это рентополучатель, а феодальное хозяйство — центр и организация для получения ренты. Последнюю нужно отличать от налогов и дофеодальных форм эксплуатации.

Что является источником феодальной эксплуатации? Б. Ф. Поршнев называет таким источником феодальную ренту⁸⁹. Ф. Энгельс писал несколько иначе: «В средние века не освобождение народа от земли, а напротив, прикрепление его к земле было источником феодальной эксплуатации. Крестьянин сохранял свою землю, но был привязан к ней в качестве крепостного или зависимого и был обязан платить землевладельцу дань в форме труда или продукта»⁹⁰. Хотелось бы обратить внимание на второе предложение в приведенной цитате. Кстати, В. И. Ленин полностью привел эту цитату Ф. Энгельса в работе «Развитие капитализма в России»⁹¹. Ю. М. Сапрыкин утверждает, что В. И. Ленин под термином «прикрепление» (апроприация) в приведенной цитате подразумевал «наделение земель» и собственно привязанность крестьянина к земле в качестве зависимого. С этим можно согласиться. Но далее Ю. М. Сапрыкин пишет: «для Ленина оба эти понятия были равнозначные»⁹². Не совсем так. Наделение земель ставило крестьянина только в поземельную зависимость, привязанность к земле в качестве крепостного или зависимого представляет собой уже личную, юридическую зависимость. Смещение названных форм зависимости (экономической и юридической) привело Ю. М. Сапрыкина к выводу: «поземельная зависимость принимала кабальные, крепостнические черты»⁹³. Если согласиться с позицией Ю. М. Сапрыкина, придется признать все дофеодальные формы эксплуатации феодальными. А. И. Неусыхин стремится их разграничить. В частности, ставит вопрос об отличии прекарного держания от тяглого надела. Держатель тяглого надела обременен всеми видами ренты и полностью или частично утерять свою личную свободу. Прекарист сохраняет личную свободу на время действия прекарной сделки — пожизненно или наследственно, иногда вплоть до третьего поколения⁹⁴.

Из поземельной (экономической) зависимости крестьянина не вытекала сама собой феодальная эксплуатация⁹⁵, и поземельно зависимый держатель являлся лично, юридически свободным. Его повинности нельзя рассматривать как феодальную ренту. Невозможно согласиться с теми исследователями, которые находят феодальную ренту с самого возникновения феодальной формации или даже ранее. Так, М. Я. Сюзюмов полагает, что феодальная рента извлекалась в рабовладельческой Ви-

зантии VI в.⁹⁶ Н. Ф. Колеснический пишет: «Оказавшись в поземельной зависимости, крестьяне вынуждены были нести в пользу своих господ феодальные повинности»⁹⁷.

Ренту образует при феодализме не поземельная зависимость. Так, например, арендатор не являлся феодально зависимым человеком. Держатель становился обязанным рентой, если он попадал в феодальную зависимость. Средневековая зависимость непосредственного производителя от землесобственника выражалась в трех формах: поземельной, личной и судебной. Непосредственный производитель, будучи только поземельно зависимым от землесобственника, считался юридически свободным, находящийся в двух формах зависимости (поземельной и личной) рассматривался как лично несвободный, юридически зависимый, и если попадал во все три вида зависимости, то лишь в этом случае считался собственно крепостным⁹⁸. Во втором или третьем случае из рассмотренных наступало состояние феодальной зависимости. Конечно, и в первом случае непосредственный производитель превращался в держателя на феодальном праве, но он не терял личной свободы.

Каковы же условия образования феодальной ренты, при каких условиях появляется возможность взимания ее? Они таковы: 1) непосредственный производитель «должен... обладать достаточной рабочей силой»; 2) «естественные условия его труда, то есть в первую очередь обрабатываемая земля, должны быть достаточно благоприятны... чтобы у него оставалась возможность производить избыточный труд сверх труда, необходимого для удовлетворения его собственных необходимых потребностей»⁹⁹; 3) «земельная рента... предполагает крупную земельную собственность... в качестве фактора производства, но не землю как таковую»¹⁰⁰; 4) «во всех этих формах земельной ренты — отработочная рента, продуктовая рента, денежная рента (как просто превращенная форма продуктовой ренты) — плательщик ренты всегда предполагается действительным земледельцем...» и 5) «владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли»¹⁰¹, иными словами, земледелец должен быть отстранен от права собственности на возделываемую землю.

Что же превращало возможность взимания ренты в действительность? Одно-единственное — внеэкономическое принуждение. К. Маркс подчеркивал, что возможность взимания ренты еще «не создает ренты, ее создает лишь принуждение, превращающее возможность в действительность»¹⁰². Внеэкономическое принуждение вовлекает непосредственных производителей во внеэкономическую зависимость, т.е. в те или иные формы личной или судебной зависимости. Внеэкономическое принуждение не было присуще всему периоду раннего феодализма, начиная с его возникновения, вследствие этого и феодальная рента возникла не сразу, а лишь в ходе аграрного переворота.

Последовательное развитие ренты от отработочной (первоначальной, низшей, самой простой формы) через натуральную (вторую, промежуточную, переходную форму) к денежной (последней, высшей форме ренты при феодализме) — процесс объективный, обусловленный степенью развития непосредственного производителя и общества вообще. Смена одной формы ренты другой имела серьезные последствия: 1) внеэкономическое принуждение ослабевало (самые грубые формы оно приобрело при господстве первоначальной формы ренты, а затем могло смягчаться вплоть до простого оброчного обязательства); 2) эксплуатация усиливалась с переходом от первоначальной формы ренты к каждой последующей; 3) форма ренты определяла юридический и имущественный статус феодально зависимого непосредственного производителя (обратная зависимость была исключением); 4) усиливалась материальная, хозяйственная заинтересованность феодально зависимого крестьянина в результатах своего труда; 5) увеличивалась возможность для изыскания прибавочного труда; 6) возрастала культура производства у непосредственного производителя; 7) каждая форма ренты связана с определенным этапом в формировании и развитии феодализма и стимулирует рост производительных сил (так, отработочная рента характерна для второго этапа раннего феодализма, а натуральная рента — для третьего); 8) уменьшается размер домена, который зависит от формы ренты.

Иногда в крупных землевладельцах нельзя видеть феодалов по той простой причине, что они, как например, хорватская знать, от своих королей получали в пожалования просто ненаселенные земли¹⁰³. Обладатели монополий на землю, располагая правом собственности на нее, разрешали держателям использовать землю только за определенные повинности, которые нельзя еще рассматривать как феодальную ренту. Противоположного мнения придерживаются Б. Ф. Поршнев и О. Л. Вайнштейн¹⁰⁴. Оспаривая их мнение, хотелось бы обратить внимание на то, что держатель, наделенный землей и оказавшийся в силу этого в поземельной зависимости от землевладельца, является лично, юридически свободным, а не зависимым. Его платежи и повинности невозможно отождествить с феодальной рентой. Ее можно выжать «только внеэкономическим принуждением»¹⁰⁵. Без внеэкономического принуждения нет феодальной ренты, даже хотя бы размеры платежей и повинностей дорентных и рентных отношений совпадали. Феодальная рента — свидетельство феодальной эксплуатации. Феодальная эксплуатация проявляется только во взимании феодальной ренты. Для того чтобы оброк или повинность превратились в феодальную ренту, «необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка к последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов»¹⁰⁶.

К. Маркс отмечал, что при феодализме «присвоение... прибавочного труда... имеет своей основой насильственное господство одной части общества над другой»¹⁰⁷.

Второй этап раннего феодализма или второй этап феодализации (аграрный переворот) связан с появлением фигуры феодально зависимого держателя — основной фигуры непосредственного производителя на этом этапе. В связи с данным тезисом необходимо рассмотреть этапы формирования крестьянства в период раннего феодализма и ответить на вопрос, кто такой феодально зависимый крестьянин.

В период раннего феодализма процесс формирования феодально зависимого крестьянства можно расчленить на пять этапов (первые три характерны для первого этапа феодализации, четвертый разворачивается на втором этапе и пятый — на третьем этапе раннефеодального периода): 1) первый этап порождает аллодистов-общинников; 2) в результате действия объективного экономического закона неравномерного распределения собственности с момента появления аллода как свободно отчуждаемой собственности на пахотный надел (открыт Ф. Энгельсом¹⁰⁸) аллодисты-общинники «должны были каким-нибудь образом потерять аллод... должен был образоваться особый класс безземельных свободных франков»¹⁰⁹; 3) безземельные свободные люди были вынуждены становиться держателями тех или иных землесобственников, однако на данном этапе держатели были еще юридически свободными людьми; 4) в ходе переворота в аграрных отношениях свободные держатели превращаются в феодально зависимых держателей; 5) с ростом владельческих прав феодально зависимого держателя на полученный надел держатель становится феодально зависимым владельцем, иными словами, феодально зависимым крестьянином в строгом смысле слова.

А. И. Неусыхин, О. Л. Вайнштейн и Е. В. Гутнова не видят разницы между держанием и владением, держателями и владельцами¹¹⁰. А. Р. Корсунский применяет для обозначения непосредственных производителей в эпоху раннего средневековья наименование «держатели земли»¹¹¹. Римское гражданское право не смешивало владение (*possessio*) и держание (*detentio*), современное буржуазное право не различает «владельцев» и «держателей»¹¹². Но существовало ли такое различие в средние века? К. Маркс отмечает, что феодально зависимые непосредственные производители обретали со временем «право давности на землю»¹¹³. Не случайно Ф. Энгельс на ранних этапах феодализации называет непосредственных производителей держателями¹¹⁴, К. Маркс же при анализе различных форм феодальной ренты — уже владельцами¹¹⁵.

Третий этап раннего феодализма характеризуется не только превращением феодально зависимых держателей в феодально зависимых владельцев, но также бенефиция в феодал и господств-

вом натуральной ренты, пришедшей на смену отработочной ренты.

Подведем итоги. Период раннего феодализма проходит в своем развитии три этапа. Процесс формирования феодально зависимого крестьянства отразился в последовательной смене аллодистов, свободных безземельных людей, свободных держателей, феодально зависимых держателей и, наконец, феодально зависимых владельцев земли. Феодально зависимый крестьянин в точном смысле этого слова, т. е. возделыватель-владелец, обязанный феодальной рентой, становится основной фигурой среди непосредственных производителей только на пятом этапе названного процесса. Образование класса феодалов вылилось в последовательную смену аллодистов, крупных землесобственников, бенефициариев и ленников, причем собственно феодалы, т. е. землесобственники-рентополучатели, появились на третьем этапе указанного процесса.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 357—358. Иногда К. Маркс в тождественном значении понятия «тип ренты» применяет понятие «форма ренты». — Там же, с. 367.

² Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 63.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 183.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 184.

⁶ Козодоев И. И. Земельная рента при капитализме. М., 1958.

⁷ Козодоев И. И. Земельная рента в социалистических странах. М., 1958.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 367.

⁹ Там же, т. 26, ч. 3, с. 415.

¹⁰ Там же, т. 25, ч. 2, с. 368.

¹¹ Там же, т. 12, с. 732.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 295—296.

¹³ Там же, т. 27, с. 181. См. также: Там же, т. 26, с. 70. Поддерживая классификацию ренты на типы и формы, В. И. Ленин пользовался словоидеями «виды ренты» и «формы ренты» в тождественном смысле. — Там же, т. 3, с. 167.

¹⁴ Там же, т. 3, с. 207.

¹⁵ Там же, т. 6, с. 341.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 356.

¹⁷ Там же, т. 46, ч. 1, с. 468, примеч. *

¹⁸ Там же, с. 472.

¹⁹ Там же, с. 468—472.

²⁰ Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964, с. 43.

²¹ Неусыхин А. И. Дофеодальный период. — СВ, 1968, вып. 31, с. 45—48.

²² Рыбаков Б. А. Обсуждение доклада А. И. Неусыхина. — СВ, 1968, вып. 31, с. 54—56.

²³ Вайнштейн О. Л. Обсуждение доклада А. И. Неусыхина. — СВ, 1968, вып. 31, с. 48—51.

²⁴ Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период. — АДСВ. Свердловск, 1972, вып. 8, с. 19.

²⁵ Там же, с. 25.

²⁶ Там же, с. 33.

²⁷ Там же, с. 19.

²⁸ Там же, с. 25—26.

- ²⁹ Там же, с. 33.
- ³⁰ Там же, с. 16.
- ³¹ Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981, с. 134.
- ³² Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980, с. 11.
- ³³ Гутнова Е. В. Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1970, с. 45, 50. С. Д. Сказкин приравнивает генезис феодализма к феодализации (Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973, с. 72), а М. А. Барг отождествляет его с периодом раннего феодализма (Барг М. А., Никифоров В. Н. Феодализм.— СИЭ, 1974, т. 15, стб. 21).
- ³⁴ История средних веков. М., 1977, т. 1, с. 49.
- ³⁵ Неусыхин А. И. Заключительное слово.— СВ, 1968, вып. 31, с. 62.
- ³⁶ Сюзюмов М. Я. Дофеодалный период..., с. 9.
- ³⁷ Там же, с. 16.
- ³⁸ Там же, с. 14.
- ³⁹ Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в.— 1917 г.). М., 1974, с. 26—27.
- ⁴⁰ Сказкин С. Д. Избранные труды..., с. 78.
- ⁴¹ Корсунский А. Р. Государство и этнические общности в раннефеодалный период в Западной Европе.— СВ, 1968, вып. 31, с. 133.
- ⁴² Абрамсон М. Л. Обсуждение доклада А. Д. Люблинской.— СВ, 1968, вып. 31, с. 37.
- ⁴³ Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок..., с. 7.
- ⁴⁴ Соколова М. Н. Обсуждение доклада А. И. Неусыхина.— СВ, 1968, вып. 31, с. 54.
- ⁴⁵ Колесницкий Н. Ф. Обсуждение доклада А. Р. Корсунского.— СВ, 1968, вып. 31, с. 134.
- ⁴⁶ Вайнштейн О. Л. Обсуждение доклада А. И. Неусыхина.— СВ, 1968, вып. 31, с. 49.
- ⁴⁷ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— В кн.: Становление классов и государства. М., 1976, с. 7.
- ⁴⁸ Корсунский А. Р. Раннефеодалное государство и формирование феодальной собственности в Западной Европе. М., 1970, с. 2.
- ⁴⁹ Гутнова Е. В. Основные проблемы..., с. 42; Она же. Историография..., с. 24.
- ⁵⁰ Гутнова Е. В. Историография..., с. 26.
- ⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 108.
- ⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 131.
- ⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 497.
- ⁵⁴ Там же, с. 498.
- ⁵⁵ Там же, с. 502.
- ⁵⁶ Там же, с. 503.
- ⁵⁷ Там же, с. 495, 499, 507.
- ⁵⁸ Там же, с. 508.
- ⁵⁹ Там же, с. 508—509.
- ⁶⁰ Там же, с. 510.
- ⁶¹ Там же, с. 517.
- ⁶² Müller-Mertens E. Die Genesis der Feudalgesellschaft im Lichte schriftlicher Quellen.— ZfG, 1964, H. 8, S. 1394.
- ⁶³ История средних веков. М., 1977, т. 1, с. 39—40.
- ⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 499.
- ⁶⁵ Там же, с. 503.
- ⁶⁶ Там же, с. 508—509.
- ⁶⁷ Сказкин С. Д. Избранные труды..., с. 73.
- ⁶⁸ История средних веков..., с. 39.
- ⁶⁹ Курбатов Г. Л. Обсуждение доклада М. Я. Сюзюмова.— СВ, 1968, вып. 31, с. 112.
- ⁷⁰ Müller-Mertens E. Die Genesis..., S. 1394, Anm. 33. О соотноше-

нии терминов «Grundherrschaft», «Gutsherrschaft» и «Gut» см.: Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства..., с. 30, примеч. 23; с. 42—43.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 346; См. также: т. 23, с. 246—247; т. 25, ч. 2, с. 166.

⁷² О понятии «верховная собственность» см.: Теория общественно-экономической формации. М., 1982, с. 151—152.

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 23.

⁷⁴ Там же, т. 25, ч. 2, с. 165.

⁷⁵ Там же, т. 23, с. 730.

⁷⁶ Там же, с. 344. См. также: т. 16, с. 284.

⁷⁷ Там же, т. 25, ч. 2, с. 353. См. также: Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства..., с. 18; Гутнова Е. В. Основные проблемы..., с. 29.

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 166—167.

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 146. См. также: Сапрыкин Ю. М. Основные проблемы истории феодального общества в трудах В. И. Ленина. М., 1970, с. 30—31.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 23.

⁸¹ Сказкин С. Д. Избранные труды..., с. 94.

⁸² Гуревич А. Я. Так называемое «отняtie одаля» Харальдом Прекрасноволосым.— В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1957, вып. 2, с. 32; Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства..., с. 22, примеч. 14.

⁸³ Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства..., с. 34, 43, 313.

⁸⁴ Там же, с. 34, 43, 312.

⁸⁵ Там же, с. 35, 37, 43, 312.

⁸⁶ Там же, с. 40—41, 43.

⁸⁷ Там же, с. 313.

⁸⁸ Там же, с. 35, 37.

⁸⁹ Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы, с. 63—64.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 349.

⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 184, примеч. **

⁹² Сапрыкин Ю. М. Основные проблемы..., с. 36.

⁹³ Там же, с. 38.

⁹⁴ Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства..., с. 6, 26, 311.

⁹⁵ Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы, с. 46—47.

⁹⁶ Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период..., с. 10.

⁹⁷ История средних веков. М., 1980, с. 43. Такое суждение Н. Ф. Колесникова противоречит его высказыванию о том, что феодальная эксплуатация населения предполагала его внеэкономическое принуждение.— Там же, с. 54. Ю. М. Сапрыкин также считает, что феодальная рента взималась уже с поземельно зависимых людей (Сапрыкин Ю. М. Основные проблемы..., с. 28).

⁹⁸ Сказкин С. Д. Избранные труды..., с. 80—83.

⁹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 355.

¹⁰⁰ Там же, т. 46, ч. 1, с. 31.

¹⁰¹ Там же, т. 25, ч. 2, с. 367.

¹⁰² Там же, с. 355. См. также: с. 353, 354; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 296.

¹⁰³ Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 255—260.

¹⁰⁴ Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы, с. 72; Вайнштейн О. Л. История советской медиэвистики, 1917—1966. Л., 1968, с. 12.

¹⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 353.

¹⁰⁶ Там же, с. 354.

¹⁰⁷ Там же, т. 26, ч. 3, с. 415.

¹⁰⁸ Там же, т. 19, с. 497.

¹⁰⁹ Там же, с. 502. А. И. Неусыхин не учитывает названного процесса образования прослойки безземельных свободных людей (Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства..., с. 20). Как же в таком случае можно объяснить появление держателей на условиях *præcaria data*, когда держатель земли получал ее всю от землевладельца?

¹¹⁰ Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства..., с. 21, 23, 26, 27;

- Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики..., с. 251; Гутнова Е. В. Историография..., с. 30.
- ¹¹¹ Корсунский А. Р. Раннефеодальное государство..., с. 1.
- ¹¹² Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., 1972, с. 102.
- ¹¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 728, примеч. 189.
- ¹¹⁴ См.: Там же, т. 19, с. 502—503.
- ¹¹⁵ См.: Там же, т. 25, ч. 2, с. 356—357, 361—362.

В. П. СТЕПАНЕНКО
Уральский университет

**«СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ ИШХАНОВ»
И БОДУЭН ФЛАНДРСКИЙ.
К СУЩНОСТИ ПЕРЕВОРОТА В ЭДЕССЕ
(март 1098 г.)**

Традиционно образование графства Эдесского связывается с событиями марта 1098 г., когда вследствие переворота в Эдессе власть в городе перешла в руки одного из предводителей первого крестового похода Бодуэна Фландрского. Описание переворота приводится во всех трудах по истории первого крестового похода, подробные рассказы о нем сохранились в трудах армянского хрониста Маттэоса Урхайеци и неизвестного рыцаря из окружения Бодуэна, чей труд был использован Альбертом Ахенским¹.

Целью похода была провозглашена борьба с «неверными» за освобождение из-под их власти «гроба господня» в Иерусалиме, а первой жертвой крестоносцев стал правитель христианской Эдессы куропалат Торос, со свержением и убийством которого было связано образование графства Эдесского — первого государства крестоносцев на Ближнем Востоке. Связь эта настолько очевидна, что в западноевропейской историографии крестовых походов предпринимались неоднократные попытки оправдать столь явное противоречие между целями похода и его конкретными результатами. Поэтому оценка переворота в Эдессе сводилась к оценке степени участия в нем Бодуэна Фландрского, к признанию или непризнанию его вины за убийство Тороса, его приемного отца и соправителя². Общепризнанная в современной бузжуазной историографии точка зрения на эдесские события была сформулирована еще в 30-е гг. нашего столетия французским исследователем Р. Груссе. Он писал, что это была «внутренняя армянская революция», в результате которой произошла лишь «трансформация армянского государства во франко-армянское», а граф, будучи посторонним наблюдателем, лишь позже был приглашен горожанами на пост правителя Эдессы³.

Подобная интерпретация фактов исходила из разработанной